

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАЯ 1883

26 Апрѣля въ 10 часовъ вечера умерла и 29 похоронена въ Женевѣ СОФІЯ ИЛЛАРИОНОВНА БАРДИНА, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ прибывшая въ Женеву изъ Сибири, куда она была отправлена на каторгу по приговору особаго присутствія сената въ мартѣ 1877 г. Поводомъ къ обвиненію была ея пропаганда социальной реформы въ средѣ рабочихъ въ Москвѣ. Во время процесса своего С. И. Бардина произнесла рѣчь съ изложеніемъ своихъ убѣжденій, за которыя, какъ равно и за всю ея дѣятельность, она ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, кромѣ Россіи, не была бы даже привлечена къ суду. Какъ личность, покойная была крайне симпатична скромнымъ достоинствомъ, образованіемъ и любовью къ труду. Не сомнѣваемся, что ближайшіе друзья покойной познакомятъ общество съ подробностями ея біографіи. Нѣкоторые даныя, относящіяся сюда, напечатаны, вмѣстѣ съ рѣчью Бардиной, въ брошюрѣ: «Дѣтубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины московскаго процесса социалистовъ». Изданіе Громады, 1877 г. Рѣчь эта помѣщена также и въ V т. «Впередъ».

ЖЕНЕВА, 1 мая 1883.

Напечатанное въ прошломъ №-рѣ нашей газеты письмо къ А. И. Герцену Юрія Самарина (1858 г.) вмѣстѣ съ помѣщенными въ настоящемъ №-рѣ письмами къ тому же лицу И. С. Аксакова (1857—1861 гг.) представляютъ, смѣемъ думать, очень любопытные документы для исторіи т. наз. московско-славянофильскаго направленія. Это же направленіе имѣетъ и до сихъ поръ большое значеніе въ Россіи, хотя не столько по своимъ литературнымъ силамъ (очень упавшимъ въ послѣдніе годы) и по ихъ вліянію на сознательную часть общества, сколько по тому, что направленіе это есть пока единственная въ Россіи литературная партія, имѣющая своихъ непосредственныхъ представителей въ свѣтѣ, въ т. наз. правящихъ классахъ. Вотъ почему людямъ противныхъ м. славянофильству направленій приходится говорить о немъ чаще и больше, чѣмъ это слѣдовало бы съ точки зрѣнія чисто литературныхъ отношеній. Еще годъ тому назадъ — московское славянофильство было вполне офиціознымъ направленіемъ, — и кто поручится, что оно не станетъ такимъ вновь? Да и теперь, не смотря на нѣкоторый разладъ м. славянофиловъ съ правительствомъ гр. Толстого, все таки это славянофильство не противоположно ему до такой степени, какъ противоположны ему оба отѣнка либеральнаго направленія: народническое и конституціонное, съ которыми обоими органъ моск. славянофильства ведетъ открытую, по его мнѣнію, смѣлую (!) войну, тогда какъ для заявленія несогласій съ правительствомъ органъ этотъ находитъ только темныя намеки, — говоря терминомъ Ю. Самарина и г. И. Аксакова, — выхолощенного слова, — на этотъ разъ уже добровольно выхолощенного!

И однако-же, напечатанные нами письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова свидѣтельствуютъ, что у моск. славянофиловъ былъ свой либеральный періодъ, — такъ таки прямо либеральный, не говоря уже о томъ, что эти славянофилы и теперь не отказываются отъ званія друзей свободы, только-де понимаемой иначе, чѣмъ т. наз. либералами, которые-де собственно не друзья свободы, а исчадіе,

если не братья бюрократіи. Письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова соотвѣтствуютъ maximum'у либерализма московскаго кружка, — либерализма и въ томъ смыслѣ, какой имѣло въ Россіи это слово въ 1857—61 гг., т. е. демократизма, и въ общемъ политическомъ смыслѣ, въ какомъ оно преимущественно употребляется въ Россіи теперь. Оба писателя открещиваются не только отъ Николаевщины, но и отъ сочувствія правительству и власти вообще, сворачивая упрекъ въ поклоненіи этой власти отъ себя на своихъ литературныхъ противниковъ, — при чемъ Самаринъ ловкимъ софизмомъ превращаетъ самого Герцена въ старовѣра, подобнаго м. славянофиламъ, какъ поклонника Европы не современной ихъ перепискѣ, т. е. бонапартовской, а Европы прежней (1830—1848 г.); либеральной. Г. И. Аксаковъ, говоря другими словами то же самое (см. письмо 1-ое, стр. 5, столб. 1, строк. 11—13), является поклонникомъ Англіи, примѣромъ которой желаетъ поучать свою публику объ отношеніяхъ полиціи къ частнымъ людямъ, о личной свободѣ и т. д.

Какая разница съ г. Аксаковымъ и его единомышленниками послѣднихъ лѣтъ! И однако-же, вчитавшись хорошенько въ письма обоихъ корифеевъ московской школы, увидишь всю естественность перехода ихъ на сторону власти и реакціи. Въ особенности письмо Самарина (письмо болѣе обработанное, нарочито - литературное), при всемъ его либерализмѣ и даже своего рода западничествѣ, доказываетъ полную справедливость сдѣланнаго уже однимъ умнымъ историкомъ русскаго литературно - общественнаго движенія, замѣчанія о томъ, что м. славянофилы, прежде всего въ роисповѣд-ная партія. Для Самарина и дорогаго славянофиламъ община не мыслима безъ религіознаго (конечно, православнаго) начала. (Сравн. письмо его съ указаніями въ статьѣ г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, „В. Европы“, 1880, Апр., 467, о томъ, какъ м. славянофилы смотрѣли и на русскую общину, какъ на примѣръ сочетанія христіанской идеи съ потребностями матеріальнаго существованія, — и Мартъ, 19—21, 48—49, о византизмѣ Хомякова и его критикѣ социальнаго положенія зап. Европы съ точки

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Московскіе славянофилы и самодержавіе. —
- 2) Къ Алухтинскимъ безпорядкамъ въ Пулавахъ. (Кіевское изданіе прокламаціи Пулавскихъ студентовъ). —
- 3) Студенческія волненія въ Варшавѣ. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). —
- 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола», VII. Письма И. С. Аксакова къ А. И. Герцену (1857—1861 г.). —
- 5) Самодержавіе и ближайшія задачи его противниковъ (Письмо въ редакцію). Ц. —
- 6) Восемнадцатая лѣтъ войны чиновицества съ земствомъ. З. С. (Окончаніе). —
- 7) Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Италіи. (Корреспонд. «Вольнаго Слова»). А. Пистолези. —
- 8) Земская хроника. IV. Административно - политическіе вопросы. О. В. —
- 9) Библиографія: «На Роднѣ» № 3. Л. Б. —
- 10) Извѣстія и замѣтки: Изъ петерб. политич. процесса. — Г. Судейкинъ въ Кіевѣ. — Глушые! — Изъ Przedszwa № 16. — Отвѣтъ редактора.

СТУДЕНЧЕСКИЯ ВОЛНЕНИЯ ВЪ ВАРШАВѢ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Варшава, 20 апрѣля.

Въ понедѣльникъ (16 Апрѣля) по полудни по нашему городу разнесся обрадовавшій многихъ слухъ, что какой-то студентъ далъ пощечину попечителю Алухтинъ. Какъ происходило дѣло, рассказываютъ различно, но фактъ пощечины оставался несомнѣннымъ, и варшавяне испытывали пріятное чувство, похожее на удовольствіе челоѣка, которому удалось убить комара, самаго докучливаго изъ всей кусающей компаніи. Въ трактирахъ или здоровыхъ храброго укротителя попечителей, въ редакціи журналовъ приходили многія лица и жертвовали большія или меньшія суммы на различныя общепользныя дѣла въ память «радостнаго событія».

Самый фактъ, по рассказамъ очевидцевъ, происходилъ слѣдующимъ образомъ. Въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ, между толпою посѣтителей, наполнявшихъ приемную попечителя, находился студентъ I курса юридическаго факультета, Евгенийъ Жуковичъ. Онъ еще первый годъ въ университетѣ, родомъ изъ Люблина. Отецъ его — русскій, мать — полька, самъ онъ считаетъ себя (по крайней мѣрѣ такъ было недавно) русскимъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что отецъ его происходилъ изъ «возсоединенныхъ униатовъ», и что Евгенийъ недавно поддалъ прошение, чтобы ему было позволено принять католическую вѣру; правда ли это, я не знаю.

Алухтинъ взялъ прошение Жуковича и, замѣтивъ, что его тамъ называютъ «господиномъ попечителемъ», сказалъ, «ко мнѣ такъ не пишется!».

«А, къ вамъ превосходительству такъ не пишется!» — произнесъ Жуковичъ и ударилъ превосходительство бамагой, которую держалъ въ рукахъ.

Алухтинъ закричалъ и, отдавъ пощечину, толкнулъ молодаго челоѣка на скамью, стоящую подъ стѣной. Тотъ вскочилъ и нанесъ два сильныхъ удара въ полную физиономію попечителя.

Произошла сумятица, позвали полицейскаго, прибѣжали на помощь попечителю его секретарь; Алухтинъ кричалъ во все горло «держите его, держите его». Жуковичъ спокойно сказалъ: «не бойтесь, я не уйду, не для этого я сюда приходилъ».

Онъ былъ арестованъ и на предварительномъ слѣдствіи говорилъ, что онъ ударилъ попечителя за его дѣятельность въ Варшавѣ и Пулавахъ.

Дѣло Жуковича будетъ разбираться въ Окружномъ судѣ, защищать его будетъ лучший здѣшній адвокатъ Пенловскій.

На слѣдующій день въ IV аудиторіи университета собралось около 200 студентовъ. Они приглашали къ себѣ ректора, Благовѣщенскаго, желая заявить ему одобреніе поступка Жуковича. Благовѣщенскій не хотѣлъ прійти, но объявилъ, черезъ проф. Самоковасова, что студенты могутъ прислать къ нему трехъ депутатовъ для выраженія общихъ желаній, и давалъ честное слово, что депутаты не пострадаютъ больше другихъ участниковъ демонстраціи. Собраніе отвѣтило, что оно не вышлетъ депутатовъ, такъ какъ оно не вѣрится честному слову ректора, который въ прошломъ году публично объявилъ, что «честное слово» не имѣетъ практическаго значенія.

Между тѣмъ въ университетѣ явилась полиція, жандармы, а наконецъ, и войско, которое заняло корридоры и различныя части университетскаго двора. Пѣхота окружила двѣ сотни студентовъ, собравшихся на дворѣ и желавшихъ соединиться съ товарищами, находящимися въ зданіи, и заставила ихъ очистить дворъ. Собраніе въ аудиторіи рѣшилось оставаться на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не явится ректоръ, а въ противномъ случаѣ уступить только натиску полиціи.

Передъ университетомъ собралась масса публики, которая съ недоумѣніемъ смотрѣла на отряды пѣхоты и конныхъ жандармовъ, которые чрезъ Краковское Предмѣстье шли въ

университетъ. Мало кто зналъ, что такое происходитъ, по большаю массу сосредоточеннаго войска позволяла догадываться, что дѣло весьма серьезно и поэтому публика находилась въ возбужденномъ состояніи. Ремесленники и работники, пользуясь случаемъ, выбранили ненавистнаго Власовскаго, который водворялъ порядокъ, и освободили изъ рукъ полиціи арестованнаго студента. Конные жандармы бросились на тротуары разгонять публику, но послѣднія, разступившись нѣсколько, сейчасъ же снова сличивалась. Настроеніе умовъ дѣлалось все болѣе тревожнымъ, положеніе становилось все шекотливѣе, а студенты, засѣвшие въ IV-ой аудиторіи, не думали выходить, полиція же почему то не рѣшалась ихъ разгонять.

Такъ продолжалось до 4½ часовъ по полудни, когда, наконецъ, въ аудиторію вошелъ оберъ-полицеймейстеръ Бутурлинъ и объявилъ, что собраніе будетъ разогнано войскомъ. Студенты рѣшились разойтись, но университетская инспекція замѣтила фамиліи всѣхъ, такъ какъ студентовъ выпускали по-одиночкѣ черезъ ворота, выходящія на Обозную улицу. Вѣроятно для удобства совершенія этой операціи студентамъ не позволили выйти главными воротами на Краковское Предмѣстіе, но вслѣдствіе этого публика, не видя выходящихъ студентовъ, думала, что они все находится въ осаждѣ, и поэтому не расходилась еще въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Нѣкоторые даже громко кричали, что студентовъ хотѣтъ заморить голодомъ.

Цѣлую ночь въ университетѣ и ближайшемъ участкѣ (Х-омъ Новосвѣтскомъ) стояло войско, а на слѣдующій день въ университетѣ выпускали только тѣхъ студентовъ, которые шли на лекціи и которые на участвовали во вчерашней сходкѣ. Прочіе поэтому останавливались передъ университетскими воротами, желая узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и переговорить съ товарищами; вскорѣ тамъ собралась значительная толпа. Многіе обращались къ инспектору съ требованіемъ, чтобы ихъ фамиліи были внесены въ списокъ участниковъ вчерашней демонстраціи, говоря, что они не пришли въ IV аудиторію по независящимъ отъ нихъ самымъ обстоятельствамъ. Инспекторъ, записавъ нѣсколькихъ, отказался дальне записывать.

Публика, видя передъ университетомъ толпу студентовъ, стала тоже собираться на противуположныхъ тротуарахъ Краковскаго Предмѣстія.

Въ 11 часовъ утра прибылъ отрядъ конныхъ жандармовъ и принялся разгонять студентовъ. Во время происшедшей суматохи ст. Рымши, студентъ I курса, ударилъ тростью лошадей одного изъ нападающихъ; въ отвѣтъ на это жандармы съ обнаженными саблями бросились въ середину толпы и арестовали его. Тогда студенты толпою пошли по улицѣ гр. Берга и Мазовецкой, направляясь къ ратушѣ, чтобы требовать тамъ у Бутурлина освобожденія Рымши. Они встрѣтили оберъ-полицеймейстера на Мазовецкой и рассказали ему дѣло. Бутурлинъ обѣщалъ сейчасъ же рассмотреть его и уѣхалъ въ университетъ; студенты возвращались прежнею дорогою, но выходя изъ улицы Берга на Краковское Предмѣстіе оказались загораженными отрядомъ конныхъ жандармовъ, которыхъ вскорѣ смѣнили гвардейцы. Студенты остановились, ожидая рѣшенія Бутурлина; къ нимъ присоединилось много постороннихъ лицъ, а позади рядовъ гвардейцевъ по Краковскому Предмѣстью гуляла масса публики. Отвѣта отъ Бутурлина долгое время не было; приходили только различныя генералы да полицейскіе пристава, изъ которыхъ одинъ давалъ честное слово, что Рымшу освободятъ, какъ только студенты разойдутся, другой утверждалъ, что его вовсе не могутъ освободить, а третій клялся, что онъ сейчасъ пойдетъ и приведетъ съ собою Рымшу, чтобы выдать его студентамъ. Честными словами, расточавшимися въ данномъ случаѣ, можно бы было вымостить Варшаву, отчего, впрочемъ, городъ нашъ только сдѣлался бы грязнѣе и опаснѣе для погѣ проходящихъ.

Наконецъ въ 3 часа по полудни появился

оберъ-полицеймейстеръ и сказалъ, что дѣло Рымши будетъ разбираться въ мировомъ судѣ, и если судъ его оправдаетъ, то онъ сейчасъ будетъ выпущенъ*). Онъ записалъ 10 студентовъ, какъ свидѣтелей, и объявилъ, что если толпа не разойдется, то будетъ разогнана полиціей. Тогда студенты разошлись.

Того же самаго дня, вечеромъ, по улицамъ улицъ было выставлено объявленіе оберъ-полицеймейстера, грозящее строгою ответственностью тѣмъ, которые будутъ участвовать въ уличныхъ сборищахъ.

Въ четвергъ, въ 12 ч., студенты, не участвовавшие въ сходкѣ въ IV аудиторіи, собрались въ анатомическомъ театрѣ съ цѣлью развить свою солидарность съ Жуковичемъ и участниками прежней демонстраціи, но первые явившіеся были разогнаны полиціей, а остальныхъ въ театр не пускали. То же самое повторилось сегодня въ зданіи университета. Лекціи продолжаютъ, но участникамъ демонстраціи 17 апрѣля нельзя входить въ зданіе. Надъ ними назначенъ университетскій судъ, но рѣшеніе вѣроятно послѣдуетъ еще не скоро.

Говорятъ, что эти безпорядки повлекутъ за собою отставку ректора Благовѣщенскаго, такъ какъ они приняты такіе разбѣры по его бездарности и трусости, но что Алухтинъ останется на своемъ мѣстѣ, не смотря на пощечину.**). Во вторникъ онъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія телеграмму, въ которой Его Высочество просидѣлъ умолять Его Превосходительство не унывать и продолжать свою благотворную дѣятельность.

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „МОЛОКОМ“.

VI. Письма Н. С. Аксакова къ А. И. Герцену.

Предварительная замѣтка. Письма эти до такой степени важны для характеристики литературныхъ и политическихъ отношеній «времени реформъ» въ прошлое царствованіе, объясненіе котораго имѣетъ теперь такое практическое значеніе, что мы не могли ихъ оставить въ неизвѣстности для публики, не смотря на то, что авторъ ихъ живъ. Мы поступаемъ въ данномъ случаѣ по примѣру «Русской Старины», г. Леруа-Болье и другихъ, обнародовавшихъ письма и др. материалы объ этомъ времени. Мы охотно бы отмѣтили автора писемъ какимъ либо вензелемъ, но это, въ виду содержанія писемъ, нисколько не послужило бы къ его замаскированію. Впрочемъ, письма эти цѣлкомъ посвящены публичнымъ, а вовсе не личнымъ интересамъ, — и многія, сколько нибудь личные мѣста въ нихъ, мы опустили. М. Д.

1) Москва, 1857 Окт. 16 (28)

Уже изъ Москвы пишу вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, пишу съ обаяніемъ, съ которою посылаю вамъ остальные №№ «Молвы», впрочемъ только тѣ, въ которыхъ помѣщены передовыя статьи брата. Такъ какъ онъ не былъ редакторомъ и хозяйномъ газеты, и такъ какъ газета понесла всесторонній, то онъ отказался и отъ писанія статей и вообще отъ участія въ газетѣ. Обратите вниманіе на статьи о простомъ народѣ, о вольномъ и невольномъ трудѣ: онѣ чуть не свели съ ума старика — Вяземскаго и были поводомъ, съ его стороны, къ повѣстному гоненію на цензора Круже. — Забудьте въ Петерб. хлопотать о дозволеніи изда-

*) Курьезно было бы держать оправданнаго тѣмъ болѣе, что и вообще предварительное заключеніе подсуднаго только мировому суду вещь странная. (Ред.)

**) Какъ сообщаетъ краковская «Reforma», г. Алухтинъ исключенъ изъ членовъ варш. клуба. (Ред.)

вать газету; по враждебности ко мнѣ Министерству, я рѣшился просить позволения прямо у Государя письмомъ. Какъ скоро дозволятъ, то немедленно увѣдомлю васъ о томъ, а вы, между тѣмъ, поговорите-ка съ З., такъ, чтобы съ 1-го же №-ра можно было начать печатать его корреспонденцію.

Теперь вы имѣете возможности получать «Р. Бесѣду» изъ Лейпцига. Будьте добросовѣстны и не поддерживайте своимъ вліяніемъ ту сторону, которая въ слѣпкомъ поклоненіи передъ Зап. Европой, вмѣстѣ съ Европой, по закону неумолимої логики, начинаетъ нынѣ поклоняться деспотизму подъ видомъ администраціи, централизаціи и т. п. Ругая Англію, Чичеринъ съ братьей восхваляетъ теперь Людовика XIV, и смѣливая равенство съ однообразіемъ, униформомъ, отвергаетъ законность разнообразія жизни и проповѣдуетъ централизацію. — Всѣ эти госнода и эманципаціи не слишкомъ радуются, опасаясь, что выдвинется элементъ мужичій, варварскій, національный, въ ущербъ нашей Европейской благовоспитанности. — Кстати объ эманципаціи. Извѣстія объ ней, напечатанныя въ иностранныхъ газетахъ, оказываются покуда вздоромъ. Впрочемъ, Государь только на дняхъ воротился въ Петербургъ. Посмотримъ, что будетъ. Управление по прежнему рядъ аномалій, то новѣтъ либерализмомъ, то отрыгнетъ Николаемъ. Вообще безобразно. Вамъ вѣрно уже доставили подробное описаніе здѣшней университетской исторіи, и вы уже знаете, какъ полицейскіе избili чуть не до смерти студентовъ тесакми и нагайками. Теперь производится слѣдствіе, говорятъ, Алекс. Ник. взбѣшенъ на позицію и смѣнитъ мерзавца Бернига, — но не ручаюсь. Вотъ вамъ одинъ случай, который расскажите въ «Колоколѣ». По поводу указа Государя, чтобы въ гражданскія учебныя мѣста не помѣщать воспитателей изъ военныхъ, какъ было при Николаѣ, въ фельетонѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» была помѣщена статья, въ которой, между прочимъ, сказано: съ какимъ восхищеніемъ и благодарностью къ царю, прочли мы указъ такой-то и пр. Ростовцевъ — тотчасъ къ Государю съ жалобой, говоря, что это оскорбленіе военному вѣдомству и оскорбленіе покойному Государю, что отмѣненная мѣра еще недавно имѣла силу закона, что такое выраженіе сочувствія всякимъ новымъ распоряженіямъ правительства, есть какъ бы осужденіе старыхъ и пр. — Бѣдный Алекс. Ник., съ дуру, въ тотъ же вечеръ указалъ на этотъ фельетонъ Вяземскому и повторилъ слова Ростовцева. Вяземскій, вмѣсто того, чтобы защищать газету, перенугался и на другой же день издалъ гнуснѣйшій и глупѣйшій циркуляръ, въ которомъ повторилъ и еще отвратительнѣе развилъ смыслъ словъ Ростовцева, но такъ какъ Министерство Нар. Просв. публикуется въ Ростовцевымъ, то Вяз. произвелъ слѣдствіе и открылъ, что авторъ статьи — учитель Моск. Кад. корпуса, Батистовъ*). Вяземск., обрадованный, тотчасъ Государю, что вотъ-де Ростовцевъ пожаловался, а виноваты его чиновники. Государь Ростовцеву: «Твои же иншутъ, а ты жалуешься на Министерство». Уязвленный Ростовцевъ

немедленно послалъ приказаніе въ Москву выгнать Батистова. Директоръ Корпуса, признавая Батистова лучшимъ и незаменимымъ учителемъ Корпуса, осмѣлился удерживать Батистова на службѣ до пріѣзда Ростовцева въ Москву, но когда Директоръ заикнулся о немъ, то Ростовцевъ спросилъ съ удивленіемъ: развѣ онъ еще здѣсь? Однимъ словомъ, бѣднаго учителя лишили мѣста!

Прощайте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; братъ Константинъ васъ обнимаетъ. — Кланяйтесь отъ меня Огареву.

Обнимаю васъ крѣпко.

Васъ искренно уважающій
Ив. Аксаковъ.

2) (Начало 1858 г.)

*) Но въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Молвы» братъ мой К. Серг. напечаталъ статейку «Публика и Народъ», которую вѣроятно Вы знаете. Но вы не знаете всего бѣшенства, возбужденнаго въ «публикѣ» этою статьею! Анонимныя письма съ угрозами, доносы, клеветы посыпались роємъ. Кончилось тѣмъ, что по докладу М-ра Государю — цензору сдѣлалъ строжайшій выговоръ, а «Молвѣ» назначилъ цензора Безсомыкина. Хорошъ цензоръ, котораго, какъ извѣстнаго труса, приставляютъ къ газетѣ въ качествѣ палача! Съ Безсомыкинымъ издавать срочную газету не было никакой возможности. Въ 1-мъ же моемъ №-рѣ онъ вычеркнулъ болѣе половины, авторы не согласились на искаженіе статей, Безсомыкинъ объявилъ, что онъ будетъ каждый № газеты (замѣтите еженедѣльной) вносить въ цензурный комитетъ... Однимъ словомъ, я не могъ издавать газеты и прекратилъ ее, не выдавъ ни одного номера и, возвративъ, къ немалому для меня убытку, по почти всѣ деньги подписчикамъ. Потомъ опять поѣхалъ въ Петербургъ, и послѣ долгихъ хлопотъ, благодаря ходатайству кн. Васильчикова, добился таки разрѣшенія издавать газету отъ своего имени. Забавно то, что они сами, желая какъ нибудь согласить мою просьбу съ требованіемъ Долгорукова о благонамѣренныхъ статьяхъ, рѣшились счесть такою мое статистическое изслѣдованіе украинской торговли, еще не напечатанное вполне географическимъ обществомъ! — Газета будетъ называться «Парусъ»; впрочемъ это названіе далось случайно. — Я получилъ позволеніе только въ Апрѣлѣ. Такимъ образомъ въ этой передрагѣ прошла вся зима! Газету я начну съ 1-го Октября; лѣтомъ пора глухая и начинать не стоитъ. Но судьба моей газеты тѣсно связана съ состояніемъ цензуры, потому что прѣсной газеты я издавать не могу. — Вотъ отъ того и происходила задержка въ моихъ отвѣтахъ корреспондентамъ. З. присылалъ мнѣ образчикъ. Онъ составленъ прекрасно, только не вполне идетъ къ газетѣ, которая мало занимается внѣшней политикой. Теперь много газетъ ежедневныхъ, сообщающихъ политическія новости, получающихъ телеграммы и депеши и имѣющихъ постоянныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. Мнѣ бы хотѣлось совершенно иного рода корреспонденцію, такую, въ которой бы отражался бытъ Англіи — сколько нужно для нашего поученія; напр., уголовные су-

ды, отношенія полиціи къ частнымъ людямъ, личная свобода и т. д.

Благодарю васъ за отзывъ въ «Полярной Звѣздѣ». Онъ такъ искусно написанъ, что мнѣ до сихъ поръ никакихъ запросовъ не было. Кланяйтесь Огареву. Его поступокъ, (т. е. объявленіе въ «Колоколѣ») въ высшей степени благороденъ, но едва ли не затворить ему дверей въ Россію*). Статья его объ общинѣ въ «Колоколѣ» прекрасна. Каждый славянофилъ готовъ подъ ней подписаться (но только славянофилъ, а не «Атеистъ», не «Р. Вѣстникъ»), но какъ же не совѣстно ему, да и вамъ, до такой степени упорствовать въ заблужденіи, и начинать статью, гдѣ все цѣлкомъ было уже проповѣдано намъ лѣтъ 10 тому назадъ, ругательствами на славянофилловъ! Какъ имѣете вы духъ говорить, что мы пользуемся покровительствомъ правительства! Полно-те, Александръ Ивановичъ, будьте безпристрастнѣе. Теперешніе Западники, во главѣ которыхъ Чичеринъ, проповѣдуютъ торжественное поклоненіе администраціи и централизаціи, воюютъ противъ общины и общиннаго владѣнія, глумятся надъ народомъ (называя его «бессилиемъ смысла передъ привычкой» — Соловьевъ), признаютъ австрійскаго жандарма законнымъ орудіемъ цивилизаціи для грубаго общества Славянскаго. — Эта явная неправда оскорбляетъ и здѣшнихъ студентовъ-соціалистовъ, которыхъ много, которые знаютъ и уважаютъ всѣхъ насъ лично, въ особенности Хомякова, не смотря на то, что не согласны съ нимъ во многомъ. Вы хорошо знаете, что ни Филипповъ, ни Крыловъ не выражаютъ (нашего) направленія. — Я послалъ вамъ съ окказіей — «Р. Бесѣду» и «Сельское Благоустройство», 2 книжки. Получили ли Вы? Въ послѣдней книжкѣ «Полярной Звѣзды» много прекрасныхъ стихотвореній Огарева, — а ваши записки живы, метки, увлекательны. Прощайте, пишите и присылайте Ваши изданія съ окказіей. Будьте здоровы, крѣпко жму вамъ руку и Огареву. И. А.

Во 2 книжкѣ «Русской Бесѣды» будетъ, между прочимъ, моя маленькая статейка «о ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи». Я постараюсь прислать Вамъ отгискъ и очень бы желалъ, чтобы Вы или ее въ переводѣ на франц. языкъ, или же содержаніе этой статейки сообщили Прудону. Онъ долженъ придти въ восторгъ, мнѣ кажется.

3) 16 Апр. 1860. Мюнхенъ.

Я долго удивлялся, почему не получаю отъ васъ въ Мюнхенѣ «Колокола», который Вы стали было (и это очень похвально) высылать ко мнѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; но потомъ догадался, — что до Васъ вѣроятно дошелъ слухъ, пущенный мною въ Гейдельбергѣ, что я уѣзжаю въ Славянскія земли. Я пустил этотъ слухъ нарочно, чтобы избавиться отъ Русскаго общества въ Мюнхенѣ. Впрочемъ, — въ началѣ Мая я дѣйствительно думалъ ѣхать въ Слав. земли. Ограниченность моего бюджета не позволяетъ мнѣ два раза посѣтить Англію, и потому я отлагаю свою поѣздку до осени, тѣмъ болѣе, что для васъ съ Огаревымъ я теперь не имѣю выгоды свѣжести, и въ этотъ промежутокъ времени васъ посѣ-

*) Батистовъ? М. Д.

*) Начало письма утеряно. М. Д.

*) № 9, 15 февр. 1858 г. М. Д.

тили многіе русскіе. Но не въ этомъ дѣло. Я получилъ вчера съ оказіей очень подробныя письма изъ Россіи и нѣкоторыя интересные бумаги. Не знаю, извѣстны ли онѣ вамъ. Посылаю вамъ: 1) Записку, которая ходитъ по рукамъ въ Москвѣ о Графѣ Панинѣ, она интересна, какъ историческій документъ и не должна пропасть; 2) Адрессъ Владимірскаго Дворянства. Такой же точно адрессъ подали еще пять губерній: Ярославская, Костромская, Орловская, Харьковская и Калужская. Что Унковскій сосланъ, — вы знаете. Его повезли не черезъ Москву, а черезъ Угличъ. Головачевъ, его другъ и двоюродный братъ, приговоренъ судомъ къ заключенію въ смиренный домъ, за грубости, сказанныя предводителю дворянства, назначенному въ Тверь отъ Короны (такъ какъ никто не сталъ баллотироваться). Предводитель пожаловался Министру Ланскому; Ланской отдалъ Головачева подъ судъ. — Государь ужасно раздражается поступками дворянства, видить въ нихъ конституціонныя попытки, объявляетъ, что обязанъ передать власть свою наследникамъ въ томъ видѣ, въ какомъ принялъ отъ папеньки и проч. Къ сожалѣнію, я долженъ прибавить, что не только все общественное мнѣніе обвиняетъ Николая Милютину, но есть и положительные доказательства, что онъ, сдѣлавъ знамя бюрократіи своимъ знаменемъ, увлекся въ борьбѣ и виновникъ большей части опрессивныхъ мѣръ. Что онъ протестовалъ противъ разрѣшенія Московск. Обществу Любим. Р. Слов. имѣть свою собственную цензуру (на основаніи прежняго устава) — это онъ самъ сказывалъ Исакову (понецителю Моск. Университета). Мнѣ это очень грустно, потому что я очень любилъ Милютину, и человекъ онъ въ сущности добрый. — Въ Москвѣ цензура свирѣпствуетъ: Предсѣдатель Щербининъ посадилъ въ комитетъ своего зятя «Прибыль», Малороса, и такимъ образомъ составилось большинство, дѣйствующее въ духѣ Тимашева; именно цензора: «Расковинско, Прибыль, Безсмыслинъ», съ предсѣдателемъ, — противъ Гиларова и Драгусова. — Въ Моск. Ценз. Комитетѣ получена бумага, гдѣ прописано требованіе Кн. Горчакова (М-ра Ин. Дѣл.), — что, такъ какъ мы съ Франціей и Россіей находимся въ дружеств. сношеніяхъ, то не слѣдуетъ дозволить въ печати что либо предосудительное для сихъ державъ; а такъ какъ Русскій и Австрійскій кабинетъ съ каждымъ днемъ болѣе сближаются, то еще менѣе слѣдуетъ дозволить печатать что либо оскорбительное для Австріи. — Депутаты втораго призыва несравненно менѣе либеральны, чѣмъ перваго, и поднесли адрессъ (нѣкоторые подписать отказались), въ которомъ просятъ эманципаціи крестьянъ безъ земли!

Вообще странная путаница. Надобно признать, что положеніе Александра Николаевича затруднительно. Да и не его одного. Присталъ бы къ депутатамъ — ихъ угнетаютъ, лишаютъ свободы слова, оскорбляютъ, они во многомъ правы, — да какъ пристать, когда они хотятъ лишить крестьянина земли? — Присталъ бы къ Комиссіи, которая для матеріальнаго благосостоянія крестьянъ сдѣлала много, и держитъ по видимому сторону крестьянъ, — но она же коверкаетъ бытъ

крестьянскій, вводитъ въ него начало бюрократическое, разрушаетъ общину, приобщаетъ къ деспотическимъ мѣрамъ, находится въ союзѣ съ властью! Присталъ бы къ дворянамъ, которые пишутъ, кажется, такіе смѣлые и хорошіе адреса, которыхъ лишаютъ самыхъ естественныхъ первыхъ правъ, правъ голоса въ своемъ дѣлѣ, и пр. Но въ самыхъ либеральныхъ актахъ дворянства — пахнетъ, припахиваетъ духомъ сословнымъ! Присталъ бы къ правительству, къ Алекс. Ник., которому мы за многое обязаны, и у котораго есть человѣческое сердце, — но правительство знаетъ ничего не хочетъ и не понимаетъ, да и понять неспособно, да и возвращается на Николаевскую дорогу, да и мало ли причинъ, почему нельзя стать на сторону правительства? Но кого слушаться Александру Ник.? Панина или Шувалова, человека оппозиціи? Либерала Унковскаго, или либерала Милютину? Единственный выходъ изъ этого положенія — предоставить полную свободу сужденія и печати. Печать вышла бы на своихъ плечахъ истину. Партія, требующая освобожденія крестьянъ безъ земли, не осмѣлилась бы выступить на литературную арену. — Адрессы дворянства интересны и важны, какъ явленіе, но не по содержанію своему. Надобно сказать правду, что въ нихъ мало дѣльнаго, т. е. такого, чѣмъ бы правительство могло воспользоваться. Легко сказать: «новое управленіе, отвѣтственность, судъ присяжныхъ» и пр., но каждая такая реформа требуетъ чуть ли не такой же подготовительной работы, какъ и крестьянское дѣло. Все это должно быть предоставлено литературѣ. Я не понимаю, за что правительство преслѣдуетъ дворянство за такіе адреса. Даже съ ихъ точки зрѣнія смотря, можно было бы отвѣчать: «Кланяться и благодарить!» Но тѣмъ не менѣе едва ли бы кто, года два тому назадъ, повѣрилъ, что шесть губерній рѣшится подписать такіе адреса! — Этотъ адрессъ, равно какъ и записку, — вы можете, если хотите, напечатать. (Можетъ быть, вы и напечатали уже: здѣсь нельзя достать «Колокола», и я, послѣ 63 №, не выдалъ «Колокола»).

Посылаю Вамъ также, но не для печати, а для прочтенія — Вамъ и Огареву — замѣчанія брата моего Конст. на доклады Ред. Комиссіи; онъ желаетъ, чтобы вы ихъ прочли и сказали ему ваше мнѣніе. По прочтеніи, возвратите ихъ мнѣ, адрессуя въ Мюнхенъ, poste restante. Онъ посылаетъ ихъ, разумеется, Самарину и Черкасскому. Можетъ быть, при пересмотрѣ своихъ трудовъ, они чѣмъ нибудь и воспользуются, если Милютинъ не воспротивится. Критика брата совершенно вѣрна, но положительная часть является все таки сочиненіемъ, которое можетъ быть и ближе подходитъ къ народнымъ правамъ, чѣмъ все прочія предположенія, — но рѣшить этого мы не въ состояніи. Можетъ быть, и то правда, что мы съ гораздо болѣею робостью и церемонностью относимся къ жизни народа, чѣмъ онъ самъ бы отнесся къ себѣ, не боясь сдѣлать прорухи, вполне сознавая, что въ немъ отжито, что можетъ онъ принять, не противурѣча своимъ началамъ, и т. д.!

Прощайте, любезный Александръ Ивановичъ, обнимаю Васъ и Николая Платоновича. Пред. В. Ив. Аксаковъ.

Я посылаю это черезъ Лейпцигъ, потому что здѣсь не принимаютъ въ Англію sous bande, и потому что отсюда пакеты идутъ черезъ Францію.

4) Сентября 25 (13) 1860, Лейпцигъ.

Давно не писалъ я Вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; всѣ эти четыре мѣсяца я путешествовалъ по славянамъ, и, за исключеніемъ Сербскаго княжества, обрѣтая постоянно въ Австрійскихъ владѣніяхъ, откуда письма къ Вамъ едва ли доходятъ. Приѣхавши по дѣламъ на одинъ день въ Лейпцигъ изъ Праги, сѣдѣлъ аужнуться съ Вами. Заглянулъ я въ «Колоколъ», давно мною не читанный, и, признаюсь, разсердился очень... Первое, что попалось мнѣ на глаза — это выходка противъ Хомякова, несправедливая, неудачная и обнаруживающая только тщетное желаніе какъ нибудь вынуть грязью въ человека, въ честности, благородствѣ, свободомысліи котораго вы не смѣете сомнѣваться. Статья Лонгинова по поводу недозволенія Австрійскимъ правительствомъ Ганкѣ приняты званіе члена, статьи, которую я, впрочемъ, не читалъ, напечатана безъ вѣдома и въ отсутствіи Хомякова, находящагося въ деревнѣ. Между Хомяковымъ, между нами и Лонгиновымъ нѣтъ ни малѣйшей солидарности, ни малѣйшей связи *). Онъ скорѣе «вашъ», т. е. былъ вашъ. Я его въ первый разъ узналъ у Милютину, какъ пріятеля Милютину, Огарева, Корпа и пр. Тогда онъ былъ нашимъ противникомъ и вѣсть со всѣми вашими (бывшими) пріятелями глумился надъ нами, лгалъ на насъ и бросалъ въ насъ грязью. Въ Москвѣ онъ присталъ къ партіи «Русскаго Вѣстника», которой и служилъ съ вѣрностью и преданностью. Какъ библиографъ, какъ хлопотунъ — много способствовавшій возстановленію Общества Словесности, выбранъ онъ въ Секретари, и только какъ Секретарь имѣетъ отношеніе къ Хомякову. — Странное дѣло, Александръ Ивановичъ! Если вамъ приходится отдавать намъ справедливость, то это вамъ стоитъ большихъ надъ собою усилий; вы словно давитесь и обставляете свои похвалы всякими оговорками; совершенно въ родѣ того, какъ когда приходится Пѣмцу, Французу или Англичанину похвалить Русскихъ. Нѣмцы, Французы и Англичане могутъ между собою ругаться и ссориться, но противъ Россіи, противъ славянскаго міра готовы тотчасъ же коалицію. Такъ и вы съ тѣми вашими пріятелями, съ которыми теперь ссоритесь... Когда же есть поводъ, т. е. вы предполагаете, что есть поводъ, ругнуть кого нибудь изъ насъ, то вы съ великою радостью хвастаетесь за этотъ поводъ и подавляете въ время непріязни такъ и вспыхиваетъ наверхъ. Все это выражается въ той маленькой статейкѣ «Колокола», гдѣ имя Хомякова прилагается ни къ селу, ни къ городу. Можно было бы подумать, что какъ вы ни ругаете Панаева и К^о, по вы къ нимъ все таки ближе, по я этого не хочу думать. Просто — стыдно вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что вы позволили себѣ

*) Забавная оговорка, какъ и выше о Филиппѣ и Крыловѣ: «не наши», — а у насъ печатаются М^а благородны, мы свободомыслии, а водимъ е^е только съ ретроградами, но и съ явными догматиками, какъ А. Муравьевъ и М. Юзефовичъ! М. I.

такую выходку, и я слишком люблю васъ, чтобы молчать или скрыть отъ васъ мою досаду.

Очень хороша статья Огарева—ответъ на письмо какого то песенника и оправданіе Русскаго Народа. Многія мѣста, многія выраженія почти слово въ слово сходятся съ тѣмъ, что сказано нами отчасти въ печати, отчасти въ рукописяхъ, ему, конечно, совершенно неизвѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ онъ становится почти на одну точку зрѣнія съ нами, между прочимъ съ Хомяковымъ, что вамъ обоимъ не безъизвѣстно.—Вы, конечно, помните, любезный Александръ Ивановичъ, моего брата Константина? Вы помните, какой это былъ атлетъ тѣлосложеніемъ, какой здоровякъ, какава грудь, какой голосъ... Теперь онъ здѣсь за-границей, больной, почти чахоточный. Я говорю почти, потому что надеюсь, что его грудная болѣзнь не разовьется въ чахотку. Послѣ смерти отца онъ страшно постарѣлъ и онустился физически; а нынѣшней весной простудилъ легкія такъ, что долженъ былъ три мѣсяца лечиться, и теперь ѣдетъ въ Швейцарію, въ Веве, къ тѣмъ виноградъ. Я ѣду вмѣстѣ съ нимъ. Нашъ адресъ Веве, poste restante. Вы писали мнѣ, что поручили Трюбнеру отослать къ Вагнеру, въ Лейпцигъ, рукописи, мною къ вамъ посланныя, именно рукописи брата, его замѣчанія на доклады Администрат. и Хозяйств. Отдѣленій Редакц. Коммисіи. Но книгопродавецъ Вагнеръ до сихъ поръ ничего не получалъ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите ихъ въ Веве, онѣ пужны брату.

Прощайте, дорогой Александръ Ивановичъ, надеюсь, что вы примете дружески мои упреки. Обнимаю васъ и Огарева.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

5) 7 Іюня 1861.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Нынче ровно полгода, какъ братъ скончался, и почти полгода, какъ мы въ послѣдній разъ перекликулись за-границей. Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ «Колоколѣ»*), за которую я Васъ еще крѣпче полюбилъ и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ у насъ, въ Россіи, друзьями. Обрубленный, какъ дерево, прожилъ я эти полгода въ Москвѣ, — и занялся изготовленіемъ къ печати и изданіемъ сочиненій брата и Хомякова. Къ осени выйдутъ первые два тома сочиненій брата (двѣ трети напечатано не было) и первый томъ сочиненій Хомякова. Въ то же время я напечатать за-границей, у Вагнера въ Лейпцигѣ, разборъ, сдѣланный братомъ, 7 докладовъ Администрат. Отдѣленія Редакц. Коммисіи, или — вѣрнѣе сказать — критику современнаго новаго административнаго устройства крестьянъ по Положенію 19 Февраля. Такъ какъ въ §§, на которые нападаетъ братъ, вошли въ составъ нѣмѣ дѣйствующаго Положенія, что тщательно мною отмѣчено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, то сочиненіе это имѣетъ интересъ не историческій только, но и нѣмѣ живой, современный. Я приказалъ Вагнеру, немедленно по отпечатаніи, послать Вамъ экземпляръ, и Николаю Платоновичу также. Его это должно въ особенности заинтересовать. Я бы счелъ

*) 1861 г., 15 Января. К. С. Аксаковъ. М. Д.

себя виноватымъ передъ покойнымъ братомъ, еслибъ пропустилъ минуту и не далъ раздаться его протесту противъ искаженія народныхъ бытовыхъ началъ петербургской либеральной бюрократіей. Знаю, что многимъ здѣсь оно будетъ неприятно, и еще не знаю, какъ посмотритъ на это правительство, которое только что дозволило мнѣ, послѣ долгихъ колебаній, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «День». День, впрочемъ, будетъ сѣрый, пасмурный, да и появится-то онъ не ранѣе 15 Сентября или 1 Октября. — Какъ тяжело и трудно теперь для меня изданіе газеты, Вы и представить не можете: мелочныхъ препятствій пропасть а бодрости прежней нѣтъ, нѣтъ со-трудниковъ, нѣтъ цѣлой, сочувственной и животворившей все кругомъ, среды... Но хочу попытаться: дѣло это представляется мнѣ обязательнымъ общественнымъ подвигомъ, — но по силамъ ли онъ мнѣ, — это окажется впоследствии.

Странное дѣло! Въ моемъ письмѣ я самъ слышу прежнюю ноту, довольно безотраднато свойства, а между тѣмъ, казалось бы, нынѣшныя должны бы звучать наши рѣчи послѣ событія 19 Февраля. Или же мы такъ состарѣлись, такъ прокислились Николаевскимъ квасомъ, что все представляется намъ тѣмъ то кисло-соленнымъ? — Или же, наконецъ, то, что совершается, не то, чего мы ждали и чаяли? Несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ оно совершилось не такъ, какъ мы его ждали. Исторія не побаловала насъ никакимъ лирическимъ ощущеніемъ, никакой красивой декорацией; я нынѣ сознаю такое расстройство мудрымъ, и наше требованіе дѣтскимъ, — хотя думаю, что пужны бываютъ какъ человѣку, такъ и народу лирические моменты въ жизни, разомъ поднимающіе духъ и озаряющіе внутреннее сознаніе. Какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ было такъ обставлено, что для радости, т. е. для произведенія чувства радости нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: пужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чашное будущее, а не въ настоящее. — Постоянно себѣ говорю, что совершается одна изъ величайшихъ социальныхъ революцій, но се не осажу: тѣмъ можетъ быть прочіе ся дѣло; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованныйъ сквозь такіа вонючія тѣла, что его и признать трудно.

И все таки совершилось, хотя и безобразно, такое дѣло, которое, замыкая прошлую Россію тысячу лѣтъ, начинаетъ новую эру, новый порядокъ формаций. Старый порядокъ осѣдаетъ, проваливается, рушится. Это несомнѣнно. Новый еще не выработался. Еще нельзя навѣрное опредѣлить, имѣетъ ли законъ 19 Февраля положительную организующую силу, или весь смыслъ его заключается въ томъ, что онъ пробилъ только брешь въ крѣпостной стѣнѣ. Я вѣрю въ присутствіе живящихъ организующихъ началъ въ народѣ, но для того, чтобы они могли дѣйствовать, нужно освободиться имъ отъ всякаго инороднаго элемента, отъ всего того великаго хлама, натасканнаго исторіей на жизнь народную. Намъ нужно будетъ сначала изжить всю ложь, которой запасть у насъ пѣобъятенъ; вся мерзость, вся болѣзнь, смир-

по гнѣздившаяся въ организмѣ, теперь потревоженная, должна будетъ высыпаться наружу, проявиться, пожить (и красива будетъ Россія въ сып!), потомъ подсохнуть и свалиться. Вся трагичная цивилизація, цивилизація Ножевой Линіи, солдатства, чепуха раскола и проч., и проч. непременно должны проявиться и облечься. Такимъ образомъ мы должны пережить еще множество фазовъ жизни. Ляжетъ на нашу землю и и слой жизни качества либеральнаго (конституціи), и множество.

(Конецъ письма утерянъ).

САМОДЕРЖАВІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА ЕГО ПРОТИВНИКОВЪ*).

(Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»).

Русскому обществу приходится въ настоящую минуту быть свидѣтелемъ предсмертной агоніи давно и медленно умирающаго русскаго самодержавія. Люди самыхъ различныхъ политическихъ партій и направленій, какъ въ Россіи, такъ и за границей, сходятся въ одномъ пунктѣ: что русское самодержавіе исчерпало себя, представляетъ собою рѣжущій глаза анахронизмъ и фатально разлагается и близится къ гибели.

Это разложеніе самодержавія съ особенной яркостью обнаружилось за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Безсиліе центральной власти въ основныхъ присущихъ ей функцияхъ, страшный экономическій и финансовый упадокъ, безтолковая и колеблющаяся внутренняя политика, до пѣтности доведенная реакція и безплодность всѣхъ правительственныхъ предпріятій и мѣръ, наконецъ, тотъ фактъ, что небольшая, плохо-организованная и не имѣющая ни средствъ, ни сильной поддержки въ обществѣ группа революціонеровъ могла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держать въ страхѣ правительство, вынужденное сосредоточить на нихъ все свое вниманіе и прибѣгнуть къ осажденному положенію, — все это для каждаго очевидные признаки агоніи. Самодержавіе и само уже перестаетъ вѣрять въ поддержку и симпатіи общества, и опирается только на свою матеріальную силу, до тѣхъ поръ, пока эта сила, по привычкѣ и рутинѣ, не выпала еще у него изъ повиновенія и пока русское общество, по косности, трусости и отсутствію живаго политическаго сознанія, не рѣшилось еще на активный и рѣшительный протестъ.

За послѣдніе двадцать лѣтъ самодержавіе систематически подтачивалось почти непрерывнымъ рядомъ движеній и протестовъ русской революціонной интеллигенціи. За нѣмѣмъ умственнымъ и освободительнымъ движеніемъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ слѣдовали заговоры Каракозовскій, т. наз. Нечаевское дѣло, агитація молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ, массовое движе-

*) Помѣщая на страницахъ нашего изданія письмо автора, принадлежащаго къ нѣмѣ, лагерь, мы считаемъ излишнимъ возражать на нѣкоторыя его теоретическія и историческія положенія, съ которыми мы не согласны. Читатели сами увидятъ, въ чемъ они отличаются отъ мыслей, много разъ высказанныхъ нами. За то мы выскажемъ нѣсколько замѣчаній относительно практическихъ соображеній автора. (Ред.)